

ЗАСЛАВСКИЙ VS ATKINSON: ИЗ ИСТОРИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Г. В. Лапина

(Мэдисон / С.-Петербург)

«Атмосфера в Москве нездоровая. Поскольку прерваны все нормальные связи с внешним миром, интеллектуальный климат стагнирует. <...> После пережитого страшного опыта двух мировых войн не нужно объяснять, что политические и торговые международные контакты являются единственным средством, позволяющим избежать военной катастрофы. Однако, судя по обстановке в Москве, губительно также отсутствие интеллектуального и культурного общения между странами. Москва не предлагает новых идей. Старые же повторяются с отупляющим постоянством». Так о Москве лета 1946 года написал корреспондент газеты *New York Times* Брукс Аткинсон¹. Не прошло и трех дней, как небезызвестный Д. И. Заславский в «Правде» ответил «клеветнику»: «И для этого-то человек приезжал из Америки и десять месяцев торчал, околачивался в Москве!»²

Брукс Аткинсон действительно приезжал «не для этого», искренне надеясь увидеть другую столицу, другую страну. Он помнил Москву 1936 года, когда он – в то время уже известный театральный критик газеты *New York Times* – был гостем Московского театрального фестиваля³. Визит был непродолжительным и впечатления в основном театральными, но Аткинсон успел убедиться в том, что вся страна, так же как театр, находится под давлением «агрессивного руководства коммунистической партии». Хотя

---

¹ Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8.

² Заславский Д. Клеветник без дарованья. – Правда. 1946. № 163 (10245). 11 июля. С. 3.

³ См. об этом главу «Американские паломники в театральной Мекке» книги: Лапина 2022: 91–127.

тогда он понимал, что «Россия живет при диктатуре», он наивно верил, что это «диктатура временная»⁴.

С тех пор прошло девять лет. В июле 1945 года Аткинсон приехал в страну, одержавшую победу в войне и превратившуюся в великую державу, страну – союзницу Соединенных Штатов. Однако диктатура, которую он считал временной, лишь укрепилась, «причем, – по замечанию Е. А. Добренко, – установка на сохранение довоенного порядка была задана сразу же после войны» (Добренко 2020: 23). Московские статьи Аткинсона служат подтверждением этому.

За годы войны Брукс Аткинсон приобрел новый опыт. После нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США во Вторую мировую войну он сменил профессию театрального критика на профессию военного корреспондента. Вплоть до 1945 года он писал о военных действиях в Китае, после чего газета командировала его в Москву.

Аткинсон не был ни русофобом, ни русофилом и, так же как многие его соотечественники, разделял социалистические идеи, полагая, что социализм «открывает путь к материальному прогрессу»⁵. Он надеялся, что военное союзничество СССР и Соединенных Штатов перерастет в дружбу, и, казалось, основания для оптимизма у него были. После завершения Потсдамской конференции «Правда» писала о «коренных общих интересах» трех держав, позволявших надеяться на будущее сотрудничество⁶; демобилизованные солдаты, с которыми Аткинсон беседовал на Белорусском вокзале, благодарили американский народ за помощь⁷; «за выдающиеся заслуги в проведении общественных мероприятий в Соединенных Штатах Америки по оказанию помо-

---

⁴ Atkinson, B. Drama Festival Opens in Russia. – The New York Times. 1936. September 2. P. 19.

⁵ Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8.

⁶ [Б. п.] Берлинская конференция трех держав. – Правда. 1945. № 184 (9955). 3 августа. С. 3; Atkinson, B. Peace Unity Hailed by Moscow Press. – The New York Times. 1945. August 4. P. 3.

⁷ См.: Atkinson, B. Russian Soldiers Hailed in Moscow. – The New York Times. 1945. August 8. P. 16.

щи населению Советского Союза в войне против общего врага» председатель Американского Комитета помощи России в войне профессор Картер был награжден орденом Трудового Красного знамени⁸; генерал Эйзенхауэр вместе со Сталиным любовался с трибуны мавзолея парадом физкультурников (в «гостеприимной» Москве он «почувствовал себя среди друзей», а премьер Сталин показался ему «по-отечески добрым»)⁹. В одной из сентябрьских статей Аткинсон подробно рассказал о перспективах культурного сотрудничества, каким оно виделось американцам, – о взаимном обмене медицинской литературой, преподавании американской литературы в советских вузах, передаче книг американских авторов, обмене писателями, художниками, профессорами, организации гастролей ансамбля Советской армии и т. д.¹⁰

«Парадокс чистой воды состоит в том, что в середине двадцатого века два союзника, которые смогли отразить угрозу цивилизации, так мало знают друг о друге, – писала *New York Times*. – Чем скорее будут установлены прочные дружеские культурные связи, тем лучше для обеих стран. Отмена цензуры и свобода в передаче новостей будут этому способствовать»¹¹.

Однако установление прочных связей между бывшими союзниками требовало готовности обеих сторон, тогда как Советский Союз явно не стремился добиться взаимопонимания: «<...> существуя в изоляции, отгородившись от остального мира, он пребывал в атмосфере самовосхваления»¹².

---

⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР: О награждении орденами и медалями СССР деятелей Американского Комитета Помощи России в войне. – Правда. 1945. № 206 (9977). 29 августа. С. 1; также см.: Atkinson, B. Russian Aid Chief Gets Soviet Honor. – *The New York Times*. 1945. August 29. P. 8.

⁹ Atkinson, B. Eisenhower and Stalin Review Parade of 40,000 in Red Square. – *The New York Times*. 1945. August 13. P. 1, 6; Atkinson, B. Eisenhower Hails Russians' Amity. – *The New York Times*. 1945. August 14. P. 10.

¹⁰ См.: Atkinson, B. U. S. Cultural Link to Russia Studied. – *The New York Times*. 1945. September 14. P. 15.

¹¹ [Anonymous]. Ties with Russia. – *The New York Times*. 1945. September 23. Section E. P. 8.

¹² Atkinson, B. Moscow Asks the West for Amity, But Soviet Makes No Move Itself. – *The New York Times*. 1945. November 26. P. 5.

В сентябре 1945 года советские шахматисты в радиоматче нанесли поражение команде шахматистов США (с общим счетом 15,5:4,5), а в ноябре футбольная команда «Динамо» в серии из четырех матчей одержала победу над сильнейшими британскими клубами. Советской пропагандой эти действительно замечательные спортивные победы были приравнены к победам политическим. Внимание Аткинсона, изучавшего советскую прессу, привлекла колонка «Политическая неделя» в газете *Moscow News*, выходившей на английском языке. Два политических события удостоились в ней упоминания – открытие 20 ноября Нюрнбергского процесса и победа «Динамо» над футбольным клубом «Арсенал». «Для многих игра “Динамо” была таким же “открытием”, как мастерство советских шахматистов, которые недавно победили американцев в радиоматче. Чем не прекрасная возможность дать совет всем, для которых эти победы стали “открытием”», – писала газета. И в заключении обращалась к иностранцам с наказом: «Не стоит ли во избежание подобных сюрпризов лучше узнать нас? Если бы иностранцы лучше нас узнали, это помогло бы им понять не только наши футбольные достижения, но и кое-что другое»¹³. В этом назидании Аткинсон увидел «свидетельство того, какая пропасть отделяет Советский Союз от Запада», поскольку предполагается, «что только одна сторона должна попытаться понять другую. Это мы должны понять Россию. Россия же не должна пытаться нас понять»¹⁴.

Надо признать, что Советский Союз делал все, чтобы его не могли понять на Западе, осуществляя строгий контроль над информацией, скрывая или искажая правду. В 1936 году Аткинсон догадывался о существовании цензуры, которая сковывает свободу драматургов и режиссеров. На этот раз он на собственном опыте увидел, как работает цензура, «самое сложное, с чем приходится сталкиваться иностранным корреспондентам в Советском Союзе»¹⁵.

---

¹³ [Anonymous]. The Political Week by Observer. – *Moscow News*. 1945. No. 94. November 24. P. 1.

¹⁴ Atkinson, B. *Moscow Asks the West for Amity, But Soviet Makes No Move Itself*. – *The New York Times*. 1945. November 26. P. 5.

¹⁵ Atkinson, B. *Molotoff Spurns Newsmen's Plea to Ease Censorship on Reports*. – *The New York Times*. 1945. November 2. P. 1, 4.

Все статьи западных журналистов попадали на стол цензора, который тщательно проверял прямые цитаты из советской прессы или верность изложения советских публикаций. Еще внимательнее он вчитывался в оригинальный текст корреспонденции, поскольку нес ответственность за весь материал, который проходил через его руки¹⁶. Аткинсон, по его словам, не раз пытался проверить бдительность цензора, «незаметно вставляя в текст своей статьи язвительную фразу: “Советская внешняя политика очень гуманна”, или “Советы хотят сохранить хорошие отношения со всем миром и нигде не встречают препятствий”». Цензор был начеку и неизменно купировал эти «вредные заявления». «Такая у нас была игра, и он всегда меня обыгрывал», – признавался Аткинсон¹⁷. Прохождение цензуры занимало немало времени, и часто корреспонденции отправлялись на день позже, поэтому многие из газетных статей Аткинсона рядом с датой помечены словом *Delayed* – ‘с задержкой’ (‘задержана не по моей вине’).

Поскольку такой контроль над информацией не устраивал английских и американских журналистов, 20 октября они обратились к народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову с просьбой устранить цензуру. В своем послании они называли советскую цензуру «диктаторской», указывали на произвол цензоров, которые «часто искажают смысл корреспонденции, изменяя формулировки (подчас из-за плохого знания языка)», и заявляли, что цензура «мешает установлению взаимопонимания между Советским Союзом и остальным миром». 29 октября журналисты получили ответ на свою просьбу – причем не от самого комиссара, а от его помощника. «По мнению Молотова, – отрезал тот, – письмо в целом неубедительное, и обращать на него внимание товарищ Молотов не считает необходимым»¹⁸.

---

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Atkinson, B. Soviet Seen Wanting Peace Despite Its Air of Challenge. – The New York Times. 1946. July 9. P. 1, 6.

¹⁸ Atkinson, B. Molotoff Spurns Newsmen’s Plea to Ease Censorship on Reports. – The New York Times. 1945. November 2. P. 1, 4.

7 ноября Молотов устраивал прием в честь годовщины Октябрьской революции. По заведенной традиции в полночь он обходил гостей – дипломатов и журналистов. Следовавшие за ним официанты несли на подносах водку, вино. Подойдя к корреспонденту Ассошиэйтед Пресс Эдди Гилмору, комиссар неожиданно завел разговор о цензуре, дал понять, что он знает, как относятся к ней журналисты, и в конце концов поднял тост за «лучшее понимание между нашими странами». Водка была наготове, Молотов осушил рюмку, поднял ее над головой вверх дном и удалился. В этот день, как отметил в своей статье Гилмор, появилась надежда на перемены в цензурной политике¹⁹.

Официального подтверждения изменения цензурной политики не последовало, цензоры оставались на своих местах, но журналистам стали возвращать корреспонденции без задержки и правки. Однако они по-прежнему не могли ездить по стране и говорить с интересующими их людьми, то есть, по словам Аткинсона, «были лишены доступа к новостям и информации задолго до того, как их статья получит одобрение цензора»²⁰. К ослаблению цензурного контроля Аткинсон отнесся с осторожностью. По его мнению, «не было основания ожидать, что новый дух снисходительности советской цензуры сохранится. Руководство, несомненно, будет наблюдать, как это работает, прежде чем сформировать окончательную политику»²¹. Прогноз Аткинсона оправдался. Очень скоро корреспонденции западных журналистов, воспользовавшихся относительной свободой, вызвали раздражение главного «цензора» страны – Иосифа Сталина. Отсутствие генералиссимуса на мавзолее Ленина 7 ноября породило в прессе волну спекуляции относительно предполагаемой болезни вождя, его роли в мирное время и возможных преемников. Среди прочих назывались имена Жукова и Молотова. В статье от 30 ноября 1945 г. Аткинсон, ссылаясь на неназванный источник,

¹⁹ Gilmore, E. Turning Point Indicated. – The New York Times. 1945. November 12. P. 3.

²⁰ Atkinson, B. Russia's Censorship. – The New York Times. 1945. November 14. P. 18.

²¹ Atkinson, B. Molotoff Spurns Newsmen's Plea to Ease Censorship on Reports. – The New York Times. 1945. November 2. P. 1, 4.

объяснил отсутствие Сталина в публичном пространстве тем, что «его *отправили* <курсив мой. – Г. Л.> в официально объявленный отпуск через пять дней после возвращения народного комиссара иностранных дел Молотова из Лондона²². Сейчас они его *держат* <курсив мой. – Г. Л.> до тех пор, пока ситуация в мире не прояснится и не позволит что-то предпринять»²³. В *New York Times* статья была напечатана 1 декабря; 3 декабря она попала в сводку ТАСС и 4 декабря обратила на себя внимание Сталина. Он ознакомился также с сообщением британского агентства «Рейтер» от 3 декабря, которое объясняло ослабление цензуры следствием заявления, сделанного Молотовым 7 ноября (см.: Хлевнюк, Горлицкий 2011: 29). Реакция Сталина была скорой: ранним утром (1:15 ночи) 5 декабря он послал телеграмму членам близкого круга и потребовал «наказать виновных – Молотова или отдел печати НКВД» и 6-го обвинил Молотова в желании «добиться популярности среди некоторых иностранных кругов», игнорируя интересы государства и престиж правительства (Данилов, Пыжиков 2001: 202).

О том, какое значение Сталин придавал цензуре, свидетельствует его разговор с видным деятелем республиканской партии США Гарольдом Стассеном, посетившим в 1947 году Советский Союз. «В СССР трудно будет обойтись без цензуры, – сказал Сталин. – Молотов несколько раз пробовал это сделать, но ничего не получилось. Всякий раз, когда Советское правительство отменяло цензуру, ему приходилось в этом раскаиваться и снова ее вводить. Осенью позапрошлого года цензура в СССР была отменена. Он, И. В. Сталин, был в отпуске, и корреспонденты начали писать о том, что <...> он, И. В. Сталин, вернется и выгонит Молотова. Таким образом эти корреспонденты изображали Советское правительство в виде своего

---

²² Первая сессия Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая проходила с 11 сентября по 2 октября в Лондоне. Сталин резко критиковал Молотова, главу советской делегации, за «попустительство англосаксам». См. об этом: Хлевнюк, Горлицкий 2011: 26.

²³ Atkinson, B. Stalin Believed Waiting for Break In Impasse Before Moscow Return. – The New York Times. 1945. December 1. P. 1, 4.

рода зверинца. Конечно, советские люди были возмущены и снова должны были ввести цензуру»²⁴.

В «интересах государства» и из-за «возмущения советских людей» цензорский контроль был полностью восстановлен в начале декабря 1945 года и вскоре – постановлением ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1946 г. – выведен из ведения печати Наркоминдела и возложен на Уполномоченного СНК по охране военных и государственных тайн в печати. В обязанности цензора входило «обеспечение строгого контроля над всей информацией для заграницы». Запрещалась передача иностранными корреспондентами материалов, касающихся государственных тайн, «сообщений, содержащих выпады против Советского Союза и измышления в отношении его государственных деятелей», а также «информации, дающей извращенное освещение советской политики и жизни Советского Союза» (Большая цензура 2005: 562–565).

Большинство западных журналистов каждый день собирались в гостинице «Метрополь», своеобразном пресс-центре, где они работали, откуда курьеры (две интеллигентные женщины) относили корреспонденции цензору. Многие из журналистов, в том числе Аткинсон и его жена Ориана, жили в том же «Метрополе». Общительная, веселая, любознательная Ориана «знала всех американских газетчиков и слышала, как они ругают цензуру и придумывают, как ее обойти» (Atkinson 2019: 4). В своей остроумной книге, написанной сразу после возвращения из Москвы, она вспоминала, что американцев страшно забавлял стиль московских газет, который они смешно имитировали, разговаривая между собой. «Ну что, фашистский прихвостень, – обращался журналист к своему коллеге, – какую грязную клевету ты извергнешь из себя сегодня в своей продажной капиталистической газетенке?» (Там же: 33). Однако искушенный читатель обнаружит среди газетных вульгаризмов золотую песчинку информации и станет внимательно ее рассматривать. «И вы удивитесь, – пишет Ориана, – насколько

---

²⁴ Запись беседы тов. И. В. Сталина с деятелем республиканской партии США Гарольдом Стассеном 9 апреля 1947 года. – Правда. 1947. № 113 (10504). 8 мая. С. 1.

часто он приходит к выводу, который не порадовал бы строгих редакторов» (Там же). Очевидно, Ориана здесь раскрывает прием, с помощью которого Аткинсону удавалось «обойти цензора» и донести до своих читателей правдивую информацию. Он очень часто цитирует советскую прессу, чей агрессивный стиль так забавлял его коллег. Самовосхваление и поношение Запада, разносившиеся со страниц советских газет, «резали слух» читателей Аткинсона, и его сдержанные, иногда ироничные комментарии помогали им сделать выводы, которые «не порадовали бы» цензора.

24 сентября «Правда» отмечала выход десяти тысячного номера газеты. В юбилейном номере этого «боевого органа партии Ленина – Сталина» были напечатаны указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении газеты Орденом Ленина, а ее сотрудников – орденами и медалями, воспоминания Сталина, многочисленные коллективные поздравления «родной “Правды”» и, наконец, статья «подручного партии»²⁵ Заславского, в которой он прославлял «свободную» советскую прессу и, по выражению Аткинсона, «швырял колючки в “рабскую американскую прессу”»²⁶. В начале своей ответной статьи Аткинсон, подражая советской пропагандистской риторике, написал, что «авторитетная и незыблемая, как Кремль», «Правда» «гордится тем, что она газета партийная», «призывает, поздравляет, учит, предсказывает и критикует тоном августейшего благоволения» и «не делает ошибок, комментируя политику правительства»²⁷. Внимательный читатель мог почувствовать иронию в этих дифирамбах, тогда как цензор не нашел, к чему придраться. В заключении Аткинсон привел большую цитату из статьи Заславского в юбилейном номере «Правды». «То, что называют свободой печати в некоторых странах Запада, есть только веревка, на которой капиталист-издатель держит своих журналистов. Если веревка длинная, то и свобода печати там

---

²⁵ Так назвал Д. И. Заславского Ю. Чаплыгин в предисловии к сборнику работ критика. См.: Заславский 1960: 23.

²⁶ Atkinson, B. Pravda Reaches its 10,000th Issue. – The New York Times. 1945. September 25. P. 11.

²⁷ Ibidem.

относительно большая. А если веревка короткая, то и свобода печати очень куцая. <...> Свобода советской печати – в служении своему народу. Советский журналист <...> не продает себя, не торгует ни идеями, ни новостями. Знает ли хоть один иностранный журналист такую свободу? <...> За границей работа журналиста – карьера. У нас – боевой пост»²⁸.

Не все иностранцы еще понимают это, но мистер Заславский уверен: «Ничего, поймут со временем»²⁹. В этой статье Аткинсон впервые выступил оппонентом Заславского. Правда, «бросать колючки» в сторону «правдиста» он не стал, полагая, что тот разоблачает себя сам.

На следующий день *New York Times* поместила редакторскую статью «“Свобода” прессы в России» как продолжение корреспонденции Аткинсона. Прочитовав слова Заславского, что «свобода советской печати – в служении своему народу», газета писала: «По сути дела, у русских есть только одна газета под разными названиями. Мнения и информация в ней должны удовлетворять “народ”, а “народ” в России – это небольшая группа партийных руководителей и чиновников. В свободу прессы в России мы поверим, когда они смогут критиковать своих вождей, как мы критикуем президента и конгрессменов»³⁰.

10 февраля 1946 года состоялись первые после 1936 года выборы в Верховный Совет СССР. Рассказывая о подготовке к этому событию, Аткинсон обратил внимание своих читателей на то, что «все кандидаты разделяют единую точку зрения на ситуацию в стране», поэтому «обычно нет необходимости в кандидатах, не согласных с ними. Те, кто не достойны высокой чести занимать этот пост, *устраняются* (eliminated) до выдвижения»³¹. Затем он процитировал

²⁸ Заславский Д. Служим советскому народу! – Правда. 1945. № 229 (10000). 24 сентября. С. 5.

²⁹ Atkinson, B. Pravda Reaches its 10,000th Issue. – The New York Times. 1945. September 25. P. 11.

³⁰ [Anonymous]. Press “Freedom” in Russia. – The New York Times. 1945. September 26. P. 22.

³¹ Atkinson, B. Public in Russia Groomed to Vote. – The New York Times. 1946. January 13. P. 23.

газету «Правда» – выступление одного из ораторов на митинге избирателей, которое не могло не поразить своей болезненной эмоциональностью. «Я рад сообщить вам, товарищи избиратели, что товарищ Сталин дал свое согласие баллотироваться в нашем округе. (Бурные аплодисменты). Для меня *нет большего счастья* <курсив мой. – Г. Л.>, чем быть доверенным при выборах в депутаты нашего *родного отца и учителя* <курсив мой. – Г. Л.> товарища Сталина»³².

За тем, как проходили выборы, Аткинсон следил не только по газетам. Вместе с Орианой они были на избирательном участке Дома культуры автозавода имени Сталина, поразившем их необыкновенно торжественной обстановкой. По словам Орианы, все было чрезвычайно нарядно и так не похоже на американские избирательные участки, устроенные в каких-нибудь «цирюльнях». Избиратели – рабочие автозавода, – получив бюллетень, аккуратно его складывали, шли к урне для голосования и «отдавали свой голос». Читать бюллетень и выбрать кандидата было лишним – это уже сделали за них. «Была одна партия, один кандидат и никакого выбора. <...> А над урной, над цветами в горшках висел плакат “Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики. Ленин”» (Atkinson 2019: 96), – написала Ориана.

Результаты выборов (за кандидатов блока коммунистов и беспартийных проголосовало 99,18 % от общего числа избирателей) вряд ли могли кого-нибудь удивить. Однако, по мнению советских пропагандистов, они должны были явиться «крайне неприятным сюрпризом для тех, кто надеялся на ослабление сплоченности советского народа, для тех, кому не по душе советская демократия»³³. На этот выпад «Правды» Аткинсон ответил иронией: «В разгар ликования московской прессы по поводу достоинств и славных достижений Советского Союза иностранец мрачным

---

³² [Б. п.] Велика радость избирателей: Митинг избирателей участка № 20. – Правда. № 9 (10091). 1946. 11 января. С. 1.

³³ Обозреватель. Международное обозрение. – Правда. 1946. № 41 (10123). 17 февраля. С. 4.

воскресным утром не может не задуматься с тяжелым сердцем над несовершенством и изъятиями Соединенных Штатов»³⁴.

Аткинсон проследил, как советская пресса дозировала сообщения о Фултонской речи Черчилля, прочитанной 5 марта 1946 года. 8 марта «Правда» обращает внимание на прозвучавшее требование «создать англо-американский военный союз против СССР»³⁵; 11 марта подробно излагает речь Черчилля³⁶; 12 марта печатает большую статью знаменитого историка Евгения Тарле, утверждавшего, в частности, что «Советский Союз не поддастся на угрозы военной подготовки или словесную атаку»³⁷. Наконец, 14 марта «Правда» помещает пространное интервью Сталина, осудившего Черчилля как «поджигателя войны, который, по сути дела, предъявил нациям, не говорящим на английском языке, ультиматум»³⁸. «Новости, – писал Аткинсон, – удалялись из своего естественного контекста ежедневных событий и подтасовывались с целью формирования определенного мнения»³⁹. В результате реакция на Фултонскую речь, которая «вызвала в Москве такую истерику, словно вот-вот начнут падать атомные бомбы»⁴⁰, свелась, по его словам, к знакомым трюизмам: «враждебное капиталистическое окружение, жестокий империализм умирающего капитализма, угнетение прав трудящихся и малых народов и создание англо-американского или западного блока против Советского Союза»⁴¹. Е. Ю. Зубкова, так же как Аткинсон

---

³⁴ Atkinson, B. Pravda Finds Poll Superior to Ours. – The New York Times. 1946. February 18. P. 12.

³⁵ Atkinson, B. Soviet Press Hits Churchill Speech. – The New York Times. 1946. March 9. P. 2.

³⁶ Atkinson, B. Pravda Denounces Churchill's Speech as Threat of War. – The New York Times. 1946. March 12. P. 1.

³⁷ Atkinson, B. Moscow Scorns Foreign "Threats". – The New York Times. 1946. March 13. P. 1, 2.

³⁸ Atkinson, B. Russians' Vague Fears Are Defined. – The New York Times. 1946. March 17. Section E. P. 5.

³⁹ Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Atkinson, B. Russians' Vague Fears Are Defined. – The New York Times. 1946. March 17. Section E. P. 5.

проследившая ход «пропагандистской кампании вокруг речи Черчилля» – кампании, в которой «Сталин сделал последний штрих», – пришла к тем же выводам, что и американский журналист: «<...> народу отныне <...> предстояло жить с ощущением военной опасности» (Зубкова 2000: 128–129).

Осенью 1945 года, когда энтузиазм первых послевоенных месяцев еще не остыл, Аткинсон отмечал, что «Советский Союз как политическая организация относится к Западу с почти патологическим недоверием»⁴². Весной 1946 г. он убедился в том, что как Англию, так и Соединенные Штаты советская пресса представляет не союзниками, но своими империалистическими противниками, которые стремятся к мировому господству. По словам Аткинсона, за десять месяцев его работы в Москве он не встретил ни в одной газете ни одного упоминания Америки, свидетельствующего, что она заслуживает доверия, – «США всегда красили черной краской»⁴³. Американскую прессу с особым усердием обличал Д. И. Заславский. Он твердил, что западная пресса – «часть капиталистической тирании», что она служит «кучкам магнатов, банковских воротил», тогда как «советская армия журналистов» работает в интересах народа. Разговоры о свободе прессы неизменно объяснялись желанием сохранить собственность газетных магнатов⁴⁴.

Заславский обратил на себя внимание Аткинсона и как театральный критик. В 1946 году на сцене филиала Московского Художественного театра с успехом шел спектакль по пьесе О. Уайльда «Идеальный муж» (режиссеры В. Я. Станицын и Г. Г. Конский). Рецензии на спектакль поместили несколько газет. «Что могло привлечь интерес Художественного театра к этой пьесе О. Уайльда?» – недоумевал В. Ермилов, посвятивший «Идеальному мужу» статью в «Известиях». Отдавая должное «поучительности» пьесы, демонстрирующей, как «министры и парламентарии считают

---

⁴² Atkinson, B. Moscow Asks the West for Amity, But Soviet Makes No Move Itself. – The New York Times. 1945. November 26. P. 5.

⁴³ Atkinson, B. Soviet Press Turns Guns on Us. – The New York Times. 1946. May 12. Section E. P. 4.

⁴⁴ Заславский Д. Война и печать. – Правда. 1946. № 107 (10189). 5 мая. С. 2.

возможным во имя политического, часто весьма сомнительного успеха применять любые средства», он сетовал на то, что театр не определил, какие именно «морально-эстетические ценности он несет советскому зрителю в этой постановке»⁴⁵.

В апреле «Правда» напечатала ответ Заславского Ермилову и другим критикам спектакля. «Нет оснований делать упреки Художественному театру за включение старой пьесы Оскара Уайльда в свой репертуар. Пьеса поучительна». Она не только «изобличает лицемерие английской аристократии и ее связь с финансовыми кругами», но и, по словам Заславского, намекающего на недавнее выступление Черчилля, «вскрывает подкладку некоторых политических выступлений». Таких лицемеров-политиканов, как герой английской комедии, утверждает он, «можно встретить и в разных других странах, где в блистательных политических салонах чувствуется аромат не столько тонких духов, сколько грубой нефти». В свои единомышленники Заславский приглашает самого драматурга, который якобы писал «в реалистической манере наперекор своим эстетическим манифестам», причем «острая сатирическая струя» в пьесе «делает понятными позднейшие мечтания Уайльда о “социализме”». Для Заславского, который написал свою статью после Фултонской речи, Уайльд уже не «выразитель декаданса и снобизма», как для Ермилова, а критик пороков английской политической культуры. «Когда вы узнаете со сцены о тех подлинных мотивах, которые определяют предполагаемое выступление товарища министра иностранных дел в палате общин, – пишет Заславский, – то вам кажется, что вы читали об этом сегодня в газетах. Театральный рассказ о делах, давно минувших, получает злободневность, актуальность»⁴⁶.

«Оскар Уайльду вернули доброе имя», – присоединился к полемике вокруг спектакля Аткинсон: «Давид Заславский, главный громовец штатных доктринеров “Правды”, назвал пьесу глу-

---

⁴⁵ Ермилов В. Пьеса О. Уайльда в Художественном театре. – Известия. 1946. № 53 (8969). 2 марта. С. 3.

⁴⁶ Заславский Д. Карьера сэра Чилтерна («Идеальный муж», пьеса Оскара Уайльда в МХАТ). – Правда. 1946. № 85 (10167). 10 апреля. С. 3.

боко современным исследованием британского политического лицемерия». Аткинсон приводит аргументы Заславского в защиту спектакля, цитирует наиболее абсурдные пассажи и заканчивает свою статью мини-рецензией: «Если бы театральному критику-расстриге из страны монополии и капитализма позволили вмешаться в дискуссию, он бы назвал спектакль МХАТ по пьесе Уайльда напыщенно разыгранной шарадой, из которой дух комедии тихо удался <...>. Артисты играют так, словно стараются в одно и то же время не забыть принципы актерской игры и выразить идеологический смысл пьесы Уайльда». По остроумному замечанию американского критика, благодаря авторитетной рекомендации Заславского обычные зрители, заполняющие зал, «теперь имеют право получать удовольствие от старой английской комедии»⁴⁷. Трудно сказать, была ли в этом заслуга Заславского, но спектакль, пережив кампанию против «внедрения в репертуар театров пьес буржуазных зарубежных драматургов», долго не сходил со сцены и прошел 1029 раз. Для сравнения: спектакль МХАТ по широко разрекламированной пьесе Симонова «Русский вопрос» о продажности американской прессы сыграли 31 раз (см.: Московский Художественный театр 1974: 553).

Брукс и Ориана Аткинсоны побывали почти во всех московских театрах – от Большого до недавно переехавшего в новое здание Театра Красной Армии. Ориане понравились красивые зрительные залы, удобные кресла для зрителей, просторные фойе, кафе и выгодно отличавшиеся от нью-йоркских репетиционные и гримерные помещения для актеров (см.: Atkinson 1948: 135; Atkinson 2019: 99). Брукс был высокого мнения об актерском ансамбле («лучше, чем в Америке»), хвалил гримеров, осветителей, художников, рабочих сцены. Он восхищался Качаловым в роли Гаева и Б. Добронравовым в роли царя Федора во МХАТ, Ю. Глизер и А. Хановым в спектакле по пьесе Моэма «Круг» в Московском театре драмы. Из режиссеров Аткинсон отметил ученика Станиславского

---

⁴⁷ Atkinson, B. Report from Moscow. – The New York Times. 1946. April 14. Section X. P. 2.

Алексея Попова, возглавлявшего Центральный театр Красной Армии⁴⁸.

Однако в большинстве случаев критик нашел и игру актеров, и режиссерские идеи устаревшими – почти ничего не изменилось с 1936 года, когда он приезжал в Москву. По его мнению, «спектакли, которые были лучшими тогда, продолжают оставаться таковыми – “Мертвые души”, “Пиквикский клуб”, “Воскресенье” и, разумеется, “Три сестры” и “Вишневый сад”». Новые пьесы советских драматургов показались ему «не более чем заурядными». «Правда, – замечает он, – хорошие новые пьесы, приемлемые в политическом и в художественном отношении, так же трудно найти в Советском Союзе, как и во всем мире»⁴⁹.

Как театрального критика Аткинсона отличала беспристрастность и безукоризненная честность – недаром его называли «совестью театра»⁵⁰. Размышляя о состоянии современного театра, он пришел к выводу, что интеллектуальный и творческий упадок испытывает не только советский театр. «Пик творческого периода американского театра, – по мнению Аткинсона, – пришелся на двадцатые годы после Первой мировой войны – прежде, чем старый мир начал разрушаться. Пик творческого периода советского театра – двадцатые годы – прежде, чем Советский Союз сформировался окончательно». Он объясняет это интеллектуальной потерянностью в предвоенные годы и испытаниями войны, истощившими творческую энергию. «Возможно, – заключает он, – мы находимся в неблагоприятном для творчества периоде для всех стран. Москва не исключение»⁵¹.

За десять месяцев работы Аткинсона в Москве – с августа 1945 по май 1946 года – *New York Times* напечатала более ста его корреспонденций. В июле, возвратившись в Нью-Йорк, он написал для своей

---

⁴⁸ Atkinson, B. Message from Moscow. – The New York Times. 1946. March 17. Section X. P. 1.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Shepard, R. Brooks Atkinson, 89, Dead: Key Voice in Drama 31 Years. – The New York Times. 1984. January 15. P. 1, 29.

⁵¹ Atkinson, B. Good New Plays Missing in Moscow. – The New York Times. 1945. December 23. Section X. P. 3.

газеты три большие статьи, в которых обобщил московский опыт и рассказал о нем без оглядки на цензуру⁵². Аткинсон застал в Советском Союзе только самое начало того, что историки называют «расцветом идеологического диктата» (июнь 1945 – март 1953)⁵³. Однако в июльских статьях он смог описать наступление этого диктата, определить и сформулировать основные черты позднего сталинизма.

Если в начале московской командировки у Аткинсона и были иллюзии по поводу социализма, вскоре он убедился, что первая в мире социалистическая страна не дала людям никаких свобод – «в том числе свободы от нужды и свободы от страха» [2]. Тем не менее население, казалось, смирилось с этим. Один из его московских знакомых, англичанин, который, по мнению Орианы, имел возможность хорошо узнать советских людей, видел причину их покорности в том, что «русские – народ не свободолюбивый» (“the Russians are not a freedom-loving people”. – Atkinson 2019: 30). Аткинсон считал иначе. По его мнению, «отсутствие того, что мы называем важнейшими свободами, русских не волнует, поскольку они не знают, что такое западные свободы» [3].

Аткинсон стал свидетелем процесса, по определению Е. А. Добренко, «сближения населения с режимом» (Добренко 2020: 20) в первый послевоенный год. Предвыборная кампания, речи избирателей, называвших Сталина отцом родным, нарядно украшенные избирательные участки, приподнятое настроение голосовавших убедили его в том, что люди «уважают мудрость и справедливость своих вождей», что «правительство не приходит к власти вопреки воле народа» [1]⁵⁴.

---

⁵² См.: [1] Atkinson, B. Russia Bars Amity with U. S., Returned Times Writer Says. – The New York Times. 1946. July 7. P. 1, 6; [2] Atkinson, B. Socialist World Soviet Aim, Times Moscow Writer Says. – The New York Times. 1946. July 8. P. 1, 8; [3] Atkinson, B. Soviet Seen Wanting Peace Despite Its Air of Challenge. – The New York Times. 1946. July 9. P. 1, 6. В дальнейшем цитаты из этих статей будут даны в тексте с указанием в прямых скобках порядкового номера. Об этих статьях см. также: Шишкова 2023: 544–549 (электронное издание).

⁵³ См.: Власть и художественная интеллигенция 1999: 535.

⁵⁴ Ср. замечание о выборах 1946 г. современного историка: «...сама атмосфера выборов, прошедших как всенародный праздник, доказала, что власти пользуются не мнимым, а действительным доверием народа» (Зубкова 2000: 111).

Несмотря на всеобщую поддержку, «премьер Сталин, – по мнению Аткинсона, – самый надежно охраняемый человек в мире» [1]. Ни он, ни члены Политбюро не чувствуют себя в безопасности в своей стране, поскольку они взвалили на плечи людей слишком тяжелое бремя. Они пользуются «полной свободой действий – без вмешательства критики, оппозиции или прессы, и ведут себя как заговорщики» [1], – объяснял Аткинсон своим соотечественникам. Представление многих американцев о том, что советские вожди – люди «расчетливые, хитрые и практичные, что они всегда знают, что делают» [1], Аткинсон называет «бабьими сказками» [1]. По его мнению, «это люди довольно заурядные», «жертвы» проводимой ими же самими политики изоляции. Всю жизнь они провели за «железным занавесом» («Фраза на редкость удачная», – замечает Аткинсон) и сами уверовали в то, что «все против них», что страна окружена врагами [1].

«Советский Союз может подвергнуться агрессии, пока такие капиталистические страны, как Соединенные Штаты и Великобритания, занимают ведущее положение в мире»; «монополистический капитал <...> является фашистским, сохраняет фашистские центры и нацелен на уничтожение социализма» [2], – твердит партийная пропаганда. Отсутствие свободы прессы, жесткая цензура, «когда газеты говорят одно и то же почти одними словами, обычно одновременно», помогают власти укреплять железный занавес и манипулировать умонастроениями людей, сохранять единомыслие – «помогают диктатуре господствовать» [2]. Поэтому жертвы изоляционизма – это, прежде всего, советские люди. По замечанию Аткинсона, «никто не знает, сколько миллионов политических узников в стране» [1].

Когда Аткинсон приезжал в Советский Союз в 1936 году для участия в Московском театральном фестивале, контакты с Западом еще не были окончательно прерваны (кстати, последний фестиваль прошел в 1937 г.), но процесс отгораживания, изоляции близился к завершению. Критик тогда объяснил слабость советского театра тем, что «советские драматурги вот уже несколько лет герметично закрыты от внешнего мира, они утратили представление о

художественной соразмерности, не подвергаются честной критике в свободной прессе»⁵⁵. Этот процесс закончился в послевоенные годы, когда изоляция от остального мира, вытеснение иностранцев из страны, замалчивание или цензурирование новостей привели к формированию «бескровной, старомодной, мелкобуржуазной культуры, бесцветной и консервативной» [2].

Именно в комбинации изоляционизма и тоталитаризма Аткинсон видел причину гибели новых идей, угасания культуры, которое он наблюдал в Москве. Хотя «было бы логично ожидать от нового общества, которое русские строят, дерзости и смелости в искусстве» [2], однако, по мнению Аткинсона, этого не случилось. «Думаю, я вправе сказать, что общий уровень искусства, театра, музыки низок, – писал он, – подозреваю, что многие писатели, актеры и музыканты это понимают. В целом в искусстве нет жизненной силы; оно реакционное и устаревшее. Под бременем политического контроля почти не остается возможности проявления индивидуальности или экспериментирования» [2].

После десяти месяцев, проведенных в Москве, Аткинсон на «личном опыте и из своих наблюдений убедился, что перспективы теплых отношений с великой евразийской державой отсутствуют» [3]. Он сожалел об этом, поскольку «было бы приятно и полезно сохранять дружеские отношения с русскими людьми» [3], искренними и добросердечными. Мешает дружбе советское правительство, и, «несмотря на лицемерное использование слова “демократия”, это правительство тоталитарное» [1]. «Хотя мы не враги, мы и не друзья. И самое большое, на что мы можем надеяться, – это вооруженный мир в ближайшие несколько лет» [1].

Выходившая в Нью-Йорке газета «Новое русское слово» регулярно знакомила своих читателей с итоговыми статьями Брукса Аткинсона, полагая, что они особенно интересны тем, что их автор «до своей командировки в Москву весьма сочувственно относился к коммунизму и участвовал во многих организациях

---

⁵⁵ Atkinson, B. The Moscow Art: Two Excellent Productions There Make Up for a Dull Festival. – The New York Times. 1936. September 27. Section X. P. 1.

коммунистического фронта»⁵⁶. В последней публикации, посвященной работе Аткинсона в Москве, главный редактор газеты М. Е. Вейнбаум отметил, что «его статьи написаны с большой объективностью и с сочувствием к населению России. Они не пройдут незамеченными»⁵⁷.

Слова Вейнбаума о том, что статьи Аткинсона будут прочитаны, очень скоро оправдались. 11 июля Заславский, по слову Аткинсона «громовец штатных доктринеров “Правды”», ответил на статьи своего оппонента и идеологического противника злобным фельетоном⁵⁸. Корреспонденты двух ведущих газет, они находились по разные стороны железного занавеса: Аткинсон пытался пробить в нем брешь, Заславский, назвавший себя в письме К. И. Чуковскому «большой дворовой собакой» (цит. по: Ефимов 2006: 93), его охранял. Коллега Аткинсона, корреспондент *New York Times* Херберт Митганг считал для себя «честью работать с ним», называл его статьи «уроком честности и элегантного стиля» (Mitgang 2004: 162), а его самого «лучшим критиком в любой области» (Там же). Чуковский, близко знавший Заславского, отмечал «балаганый (и в то же время) казенный) характер» некоторых его выпадов и задавался вопросом: «Неужели он не сознает, что его статьи есть зловерное искажение действительности?» (Чуковский 1994: 225–226).

«Надо влезть в шкуру публициста, чтобы понять его собачью натуру. Он должен грызть врага» (цит. по: Ефимов 2006: 93), – оправдывал Заславский свои нападки на Пастернака в письме Чуковскому. В Аткинсоне он, несомненно, видел своего врага и кидался на него, словно по команде фас. Особенно раздражили Заславского рассуждения американского журналиста о «железном занавесе» (шесть упоминаний в статье). «Железный занавес» – выдумка, которую «пустил в обращение» Аткинсон; Аткинсон

---

⁵⁶ [Б. п.] Культурная жизнь в СССР: Вторая статья Брукса Эткинсона <sic!>. – Новое русское слово. 1946. № 12490. 9 июля. С. 3.

⁵⁷ Вейнбаум М. На разные темы: Брукс Аткинсон о России. – Новое русское слово. 1946. № 12491. 10 июля. С. 3.

⁵⁸ См.: Заславский Д. Клеветник без дарованья. – Правда. 1946. № 163 (10245). 11 июля. С. 3.

«заявляет, что есть “железный занавес”»; Аткинсон считает, что это «*дьявольски* <курсив мой. – Г. Л.> удачное выражение»⁵⁹, – не устает повторять он.

Интересно, что политическая метафора или мем (как бы мы сейчас сказали) «железный занавес» скоро вновь стал объектом критики Заславского в фельетоне «Лобызание Геббельса». В нем Заславский утверждал, что никакой «железной завесы» <sic!> нет, что иностранцы свободно путешествуют по стране и что первым «пустил в ход этот клеветнический образ» не Черчилль, а Геббельс. Не называя Аткинсона, Заславский явно намекает на него, заявляя, что выдумка Геббельса живет, среди прочего, в «наглом выпаде в статье чернильного раба с газетных плантаций Херста»⁶⁰. Кстати, «тезис о том, что “железный занавес” – изобретение Геббельса, – по замечанию К. В. Душенко, проследившего историю этой политической метафоры, – стал общим местом советской контрпропаганды послевоенного десятилетия» (см.: Душенко 2018: 203).

Мнивший себя знатоком литературы, театральным и музыкальным критиком, Заславский считал себя вправе сказать, что «наш собственный корреспондент» из одного нью-йоркского заведения» ничего не понимает ни в идеях, ни в искусстве.

На слова Аткинсона об отсутствии в СССР свобод и демократии он ответил весьма затейливой бранью: это «старые, избитые сплетни», «беспардонная и бестолковая болтовня», «бред наглого человека», «чехарда фраз, из которых одна побивает другую», «кадриль, в которой одна пара мыслей танцует против другой».

Прочитывая «грязнейшие» утверждения Аткинсона о том, что «Советский Союз вмешивается во французскую политику, субсидируя французскую компартию», Заславский назвал его «информатором», которому владельцы капиталистических газетных фабрик хотят доставить невозбранный доступ во все углы мира»,

---

⁵⁹ Там же. “Miraculously” (‘удивительно’) Заславский передает словом «дьявольски», считая, что оно лучше передает словарь американца.

⁶⁰ Заславский Д. Лобызание Геббельса. – Правда. 1946. № 181 (10263). 1 августа. С. 4.

человеком «до мозга костей продажным», «дикарем», «продуктом биржи и черного рынка».

«Вот для какого отродья монополисты газетного капитала требуют “свободы печати”», – досадует Заславский.

В название своего фельетона Заславский вынес строку из эпиграммы Пушкина, адресованной М. Т. Каченовскому, издававшему журнал «Вестник Европы». В конце статьи он целиком процитировал эпиграмму:

Клеветник без дарованья,
Ищет палок он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

– и добавил: «Впрочем, о господине Аткинсоне надо сказать, что пропитанье он получает ежемесячно, а врет ежедневно»⁶¹.

12 июля, на следующий день после выхода фельетона Заславского, *New York Times* под заголовком «“Правда” клеймит Аткинсона, называя его “бандитом”, о которого даже не хочется марать руки», помещает – без комментариев – его полный перевод (убедительное доказательство свободы прессы). Текст Заславского, по мнению редакции, в комментариях не нуждался. Как известно из заметки в «Новом русском слове», газета *New York Times* на запросы других газет заявила, что не собирается отвечать на статью Заславского в «Правде»⁶².

По совпадению в тот же день, 12 июля, президент Трумен встретился в Вашингтоне с «бандитом пера» Аткинсоном⁶³.

13 июля в рубрике «Письмо в редакцию» «Правда» печатает статью «Двуличие господина Аткинсона». Ее автор, художественный руководитель Центрального театра Красной Армии, президент Театральной секции ВОКС А. Д. Попов, вспоминает встречу с

---

⁶¹ Заславский Д. Клеветник без дарованья. – Правда. 1946. № 163 (10245). 11 июля. С. 3.

⁶² [Б. п.] Ответ «Правды» Бруксу Эткинсону <sic!>. – Новое русское слово. 1946. № 12494. 13 июля. С. 2, 5.

⁶³ [Anonymous]. Truman Sees Atkinson, Author of Report on Reds. – The Evening Star (Washington D.C.). 1946. July 12.

Аткинсоном, который высоко отзывался «об игре, режиссерской работе и декорациях спектакля». «Сравнивая то, что писал и говорил Аткинсон, будучи в Москве, с тем, что он написал о советском искусстве, вернувшись в Соединенные Штаты, я прихожу к выводу, что господин Аткинсон легко входит в сделки со своей совестью», – пишет режиссер. И заключает свое «письмо» словно под диктовку Заславского: «Такое двуличное поведение <...> подрывает доверие советских людей к представителям иностранной печати, работающим в СССР»⁶⁴.

Уже 14 июля газета *New York Times* печатает полный перевод статьи Попова и ответ Аткинсона. Критик признал, что в статье от 17 марта он действительно упомянул «Ночь ошибок» в постановке Попова как спектакль, «выгодно отличавшийся на фоне общей серости советского театра». По его мнению, это была лучшая постановка пьесы Гольдони из всех виденных им раньше. Отвечая Попову, Аткинсон процитировал свою мартовскую статью: «Театр в Москве живет в прошлом. Его отличает консервативный стиль и вкус, что удивительно для страны, которая постоянно бьет себя в грудь, заявляя о своей прогрессивности; у него иссякла творческая энергия». Отдавая должное режиссерскому мастерству Попова, Аткинсон написал: «Для обычных зрителей, которые не ходят в театр как в храм, Театр Красной Армии, пожалуй, самый подходящий»⁶⁵.

В том же номере газеты без подписи были параллельно напечатаны выдержки из трех статей Аткинсона и статьи Заславского, опять-таки без комментария. Подборка называлась “Atkinson vs. Zaslavsky” (это заглавие я заимствовала для своей статьи).

Как известно, в августе 1946 года, вскоре после отъезда Аткинсона из Москвы, в СССР началась кампания, направленная против творческой интеллигенции. Были приняты директивные постановления Оргбюро ЦК ВКП(б): 9 августа – о кинофильме «Большая жизнь», 14 августа – о журналах «Звезда» и «Ленинград»,

---

⁶⁴ Попов А. Д. Двуличие господина Аткинсона. – Правда. 1946. № 165 (10247). 13 июля. С. 3.

⁶⁵ Atkinson, B. Message from Moscow. – The New York Times. 1946. March 17. Section X. P. 1.

26 августа – «о репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Постановления обсуждались на собраниях в творческих союзах, в газетах и журналах. О них писали и американские газеты⁶⁶. Аткинсон отозвался на идеологические атаки статьей в газете *New York Times*, бессменным театральным критиком которой он будет оставаться до 1960 года. Эту статью можно считать послесловием к его московским корреспонденциям. В ней он обратился к американским писателям и драматургам, не осознающим, что такое тоталитаризм, и призвал их не забывать о терроре против их коллег в Советской России. «Некоторые писатели в Соединенных Штатах верят в коммунизм, восхищаются методами Советской России и так или иначе поддерживают цели советской политики. Выступая на стороне системы, которая превращает творческую интеллигенцию в своих рабов и разрушает творческое начало в искусстве, они из-за своей ограниченности совершают профессиональное самоубийство»⁶⁷.

Журнал *Life*, перепечатавший на своих страницах статьи Аткинсона, назвал их «самыми глубокими статьями о Советском Союзе из всех, которые до сих пор появлялись в американской прессе», а нападки на него «Правды» – «самой злобной атакой российской прессы на аккредитованного американского корреспондента» (*Life*. 1946. July 22. P. 85).

В 1947 году за серию статей о СССР Брукс Аткинсон получил Пулитцеровскую премию. В Москве награждение не осталось незамеченным. Советским гражданам сообщили: «Одним из премированных в 1947 году оказался корреспондент газеты “Нью-Йорк таймс” Брукс Аткинсон, который получил денежное вознаграждение за серию лживых, клеветнических статей об СССР» (Крылов 1949: 20).

---

⁶⁶ См.: [Anonymous]. Soviet Art is Urged to Fight Capitalism. – *The New York Times*. 1946. September 28. P. 7.

⁶⁷ Atkinson, B. Russian Policy Slips. – *The New York Times*. 1946. October 6. Section X. P. 1.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Большая цензура 2005. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов: 1917–1956 / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева; сост. Л. В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия»; Издательство «Материк».
- Власть и художественная интеллигенция 1999. Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике: 1917–1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: Международный фонд «Демократия».
- Данилов А. А., Пыжиков А. В. 2001. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН.
- Добренко Е. А. 2020. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение.
- Душенко К. В. 2018. Красное и белое: Из истории политического языка: Сборник статей. М.: ИНИОН РАН.
- Ефимов Е. 2006. Сумбур вокруг «Сумбура» и одного «маленького журналиста». М.: Флинта.
- Заславский Д. 1960. День за днем: Избранные произведения: В 2-х тт. Т. 1: Среди своих. М.: Правда.
- Зубкова Е. Ю. 2000. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН.
- Крылов Б. 1949. Американская печать на службе монополий: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества [по распространению политических и научных знаний] в Москве. М.: Правда.
- Лапина Г. 2022. Американцы в Москве: 1930–1940. М.: Литфакт.
- Московский Художественный театр 1974. Московский Художественный театр в советскую эпоху: Материалы и документы. М.: Искусство.
- Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. 2011. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.
- Чуковский К. 1994. Дневник (1930–1969). М.: Современный писатель.
- Шишкова Т. 2023. Внеждановщина: Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение.
- Atkinson, O. 1948. A Few Poises. – As We See Russia / By Members of the Overseas Press Club of America. New York: E. P. Dutton & Co. P. 129–138.

- Atkinson, O. 2019. *Over at Uncle Joe's: Moscow and Me (A Glimpse at Post-WWII Soviet Union from an American Traveler and Correspondent)*. 2nd ed.: Reprint with Commentary. Brownsboro, AL: The Arden Writer Press.
- Mitgang, H. 2004. *Newsmen in Khaki: Tales of a World War II Soldier Correspondent*. Lanham, MD; New York; Dallas; Boulder; Toronto; Oxford: Taylor Trade Publishing.

REFERENCES

- Atkinson, O. "A Few Poises." In *As We See Russia* by Members of the Overseas Press Club of America, 129–38. New York: E. P. Dutton, 1948.
- . *Over at Uncle Joe's: Moscow and Me (A Glimpse at Post-WWII Soviet Union from an American Traveler and Correspondent)*. 2nd ed.: Reprint with Commentary. Brownsboro, AL: The Arden Writer Press, 2019.
- Bol'shaia tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov: 1917–1956*. Edited by L. V. Maksimenkov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- Chukovskii, K. *Dnevnik: 1930–1969*. Moscow: Sovremennyi pisatel', 1994.
- Danilov, A. A. and A. V. Pyzhikov. *Rozhdenie sverkhderzhavy: SSSR v pervye poslevoennye gody*. Moscow: ROSSPEN, 2001.
- Dobrenko, E. A. *Pozdnii stalinizm: Estetika politiki*. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Dushenko, K. V. *Krasnoe i belo: Iz istorii politicheskogo iazyka: Sbornik statei*. Moscow: INION RAN, 2018.
- Efimov, E. *Sumbur vokrug "Sumbura" i odnogo "malen'kogo zhurnalista"*. Moscow: Flinta, 2006.
- Khlevniuk, O. V. and Yoram Gorlizki. *Kholodnyi mir: Stalin i zavershenie stalinskoi diktatury*. Moscow: ROSSPEN, 2011.
- Krylov, B. *Amerikanskaia pechat' na sluzhbe monopolii: Stenogramma publichnoi lektsii, pročitannoi v Tsentral'nom lektorii Obshchestva [po rasprostraneniuiu politicheskikh i nauchnykh znaniu] v Moskve*. Moscow: Pravda, 1949.
- Lapina, G. *Amerikantsy v Moskve: 1930–1940*. Moscow: Litfakt, 2022.
- Mitgang, H. *Newsmen in Khaki: Tales of a World War II Soldier Correspondent*. Lanham, MD: Taylor Trade Publishing, 2004.
- Moskovskii Khudozhestvennyi teatr v sovetskuiu epokhu: Materialy i dokumenty*. Moscow: Iskusstvo, 1974.

Shishkova, T. *Vnezhdanovshchina: Sovetskaia poslevoennaia politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaemym Zapadom*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023.

Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia: Dokumenty TsK RKP(b)–VKP(b), VChK–OGPU–NKVD o kul'turnoi politike: 1917–1953. Edited by A. Artizov and O. Naumov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia,” 1999.

Zaslavskii, D. *Den' za dnem: Izbrannye proizvedeniia*. 2 vols. Vol. 1, *Sredi svoikh*. Moscow: Pravda, 1960.

Zubkova, E. Iu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: Politika i povsednevnost'. 1945–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2000.